

Людмила Ходынская
МАСКАРАД БЛИЗНЕЦОВ



Людмила Ходынская

Маскарад близнецов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27051549

Маскарад близнецов Стихи:

ISBN 978-5-91627-004-4

Аннотация

В данную книгу включены стихи разных лет, самые ранние из которых были написаны в 1972 году. Ритмическая вариативность стиха, виртуозная музыкальная игра слова, метафоричность и самобытность отличают поэтику автора.

Содержание

Об авторе	4
Предисловие	6
Двое – это вселенная // остальное дрянь!	6
Дочь космического лова	10
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Ходынская Людмила

Маскарад близнецов Стихи

Об авторе

Людмила Ходынская, современная русская поэтесса, родилась в Москве. Окончила факультет поэзии Литературного института имени А. М. Горького в 1990. Широко публикуется с 1988 года, участница антологий «Хрестоматия по русской литературе 1985—1995», «Самиздат века», «Московская муза», «Зеркало русской поэзии с 12 по 20 век». Инициатор создания поэтической группы ДООС (1988).

Выступает с чтением своих стихов в России и за рубежом, в программах радио и телевидения, участвует в ежегодных поэтических перформансах визуальной поэзии в Западной Европе. Работала редактором в московских издательствах «Книга», «Атриум», литературным консультантом в нидерландских издательствах «Пегас» и «Библиотека всемирной литературы». Автор, участник и координатор проекта «Нидерландско-русские Поэтические Салоны Людмилы Ходынской». Член Всемирной ассоциации писателей международный ПЕН-клуб, Клуба Переводчиков русской поэзии в Амстердаме. Творчество Л. Ходынской широко представлено на сайтах в интернете и Википедии. Стихи пере-

ведены на английский, голландский, французский, финский и болгарский языки.

Предисловие

Двое – это вселенная // остальное дрянь!

Я позволю себе краткую ретроспекцию, потому что посетил Литературный институт почти одновременно с автором книги.

Атмосфера заведения внутренних правил не показывала, кроме официальных, естественно, не имела их или не осозновала своих регуляционных механизмов. Казалось – облапистый хаос на «Тверском бульваре, 25», учение и искус были в предпочтении «духовного» значения темы самому искусству письма. Пропп, Штейнберг, Лотман, Иванов или Мелетинский выступали как интерпретаторы текстов и одновременно хранители культурного содержания. Окружение Людмилы Ходынской, обожало историческую и мифологическую перспективу – всякое содрогание и движение богов, героев и астрономических тел попадало в рифму и находило место в разговорном языке и в поэзии. И, конечно, лестница ментального и чудотворного постижения соблазняла, тем более, что на её ступенях были возможны самые рискованные сцены. Головокружительная эпоха! Настоящая

атмосфера артистического школярства, поиск новых измерений и соответствий в кино, в научной мысли и в моде. Но при всех высотах, окружавших начинающего художника, вертикалях и обещаниях духовидческих традиций, оставалась проблема авторской одарённости, самого искусства письма. Многие обладатели «духовного» капитала писали дурно, хотя говорили прекрасно – в застолье и в аудиториях. Ведь «откровения» часто выглядят подстрочниками и не представляют из себя ценности из-за лапидарности записи и аллегорической прямоты образов.

В кругу Людмилы Ходынской драма становления метафоры, я бы сказал, была важнее других инициатив – в этом кипящем, воображающем себя, неадекватном, истерическом, восторженном, бросающемся в разные стороны и точно соблюдающим свои высокомерные границы студенческом социуме Литинститута начала 80-х. Платоновский «комбинезон любви» из Епифанских шлюзов» как раз был одной из популярных механических метафор, доставшихся от далекого начала 20 века. «Такую метафорическую «прямоту» поднимали на смех, а искали новое, не опошленное и не затёртое.

Дерзания вознаграждались, и Людмила Ходынская оказалась одним из художников, предложивших свой образный язык. Между пониманием мира со всеми его возможными трактовками и мощью его блаженной непостижимости было выбрано последнее: нет трактовок, есть искусство.

Людмила Ходы́нская принадлежит именно искусству, его опытности, эмпирике, интуитивному равновесию созвучий и диссонансов.

С этого начинается её письмо. С первооснов восприятия.

Эти вырезанные из чёрного дерева
фигурки
лица и сосцы заморских красавиц
запах шаманских наваждений —
моя впечатлительность обморочна

«Тео»

В её инструментари — новые определения вещей и повествование о событиях, происходящих с этой мифологической вещностью. «Оания — моя новая страна...» Или другая страна — «Аркадия — страна ароматов // соломенных песков... втянутых в водоворот Ра // Арка пчелиных радуг...» Легко заблудиться в такой стране, если не знать «Мифов Народов Мира». Однако у Людмилы Ходы́нской своя мифология, свой способ полететь на Луну или прогуляться по джазовым кафе Амстердама. Иногда встречаются (может быть лукавые?) указания на свои правила пользования словом:

друг мой
читатель
умчимся с тобой

в жаркую дрёмность стихиры

я

не сектант

не туман навожу

не зазываю в квартиры

абракадаброй

тебя

не дразню

ивангардом не тычу

«Курорты творенья»

Одна из любимых тем Людмилы Ходынской – зеркала, двойничество, уподобление, несостыковка, несоответствие предназначений, полное совпадение, отождествление, клонирование, отражение и его искажения (и фонетические и графические). Но сколько бы не «ловил на сходствах» себя человек, миметические вещи не избавляют от одиночества творчества, от мелодии поиска.

Алексей Парицков

Дочь космического лова

Эсперанто звёзд – так я назвал поэтический язык Людмилы Ходынской однажды, в уже далеком 1996 году в своей статье на нидерландском «В Москве песня становится делом», опубликованной в амстердамском (Нидерланды) журнале «Славянская литература». Здесь, справедливости ради, считаю нужным заметить, что, хотя, речь в той статье шла также и о других двух поэтах, творчество которых и материалы представила мне Людмила Ходынская, всё же я был знаком более со стихами и поэтическими перформансами именно Людмилы Ходынской второй половины 90-х годов в Амстердаме – которые, впервые очередь, и вдохновили меня к подобному определению.

Поэтические самобытность и личный голос поэта, усиленные виртуозным и утонченным владением русского языка, выводят поэзию Людмилы Ходынской, несомненно, на профессиональный уровень.

страна ароматов
соломенных песков
каскадов лун и лун
втянутых в водоворот Ра
арка пчелиных радуг
в корриде взоров

«Аркадия»

Мне не однажды приходилось наблюдать, как мгновенно затихает публика в зале, когда Людмила Ходынская начинает читать стихи – удивительный эффект её интуитивной артистичности и особого чувства звука! У слушателя срабатывает, я бы сказал, не столько момент узнавания (поэтический мир Людмилы Ходынской достаточно многомерен), сколько желание вовлечённости. Согласованной вовлечённости в путешествие по её поэтическим «снам», в стихи, где она ведёт слушателя лавирующей тропой ловко сплетённых созвучий, мелодичностью голоса, путём новых образных видов, сотворённых ею. Сейчас выступления Людмилы Ходынской не редки в Западной Европе, но, как мне известно, с начала 80-х годов её голос часто звучал и на различных поэтических подиумах Москвы.

В аспектах постижения мира у Людмилы Ходынской порой прослеживается обертон иррациональности искусства – неприкосновенности, невозможности пользования его или объяснения посредством искусства чего-либо. Искусство в себе (позволим себе подобность определения немецкого философа Иммануила Канта – вещь в себе). В этом смысле некоторая загадочность, к примеру, поэмы Людмилы Ходынской «Замысел далей» выглядит оправданной. Концептуально намечая символическими штрихами и включением архетипов движение к иррациональному мышлению

читателя, она приближается к нему через лирические оттенки.

в редких случаях
годно для проживания тело
а проникнись
пролей дождик
в ладошки листьев
не блеск – блеск

«Замысел далее»

Конечно, здесь можно сделать отсылку и к русскому футуризму начала двадцатого века, с его идеей зауми, и к поэтам символистам, заявлявшим о невозможности постижения мира путём рационального мышления. Или же к известному заявлению французского художника-концептуалиста Марселя Дюшона – «Искусство – всё, когда это делает художник». А «отец» немецкого звёздного романтизма Гельдерлин – его отголосок несомненно прослеживается в романтико-лирических строках Людмилы Ходынской. Но какова бы ни была отсылка или платформа, от которой отталкивается поэт, дар – это та субстанция, которая сублимирует всё впитанное автором в её собственный оригинальный метафорический мир. Трансцендентный взгляд, необычный, художнический, взгляд как бы изнутри, создаёт особый ракурс видения, как в поэме, частично процитированной ниже, написанной автором в начале 70-х го-

дов:

ты живая
вся светла от боли
ты из света соткана
живи во мне
дочь космического лова

«Дочь космического лова»

или:

Иуде открывается
за что – бог весть
такая ширина

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.